ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ЩЕДРАЯ ПЕСНЯ

ЗА ОКНАМИ уже собирается осенний вечер, и блики дня напоследок обегают комнаты — скользят по шкуре, распластанной на зеркально чистом полу, по нерастопленному камину, раскрытым на пианино нотам...

Я в гостях у Георга Карловича Отса. Собиралась-то к нему давно... А вот сижу и молчу. И благодарю в душе дочь его, маленькую Марианну, которая так кстати сейчас заполняет паузу — что-то щебечет по-эстонски с куклами, несет свой альбом с рисунками, заставляя отца комментировать их мне.

Я ждала встречи давно. С этой зимы, когда после долгого перерыва, из-за болезни, москвичи снова услышали Георга Отса на концертах. Но тогда он был занят — кроме концертов, записи на радио. И голос в телефонной трубке слышался очень усталым. «Подождем до летних гастролей театра «Эстония» в Москве, ладно?»

Ну, а какими насыщенными оказались летние дни! И как занят был на гастролях сам Отс, вдруг открывшийся в совершенно непривычном для нас ракурсе. Мудрый весельчак Кола в опере Д. Кабалевского «Кола Брюньон». Хитрый обманщик Джанни Скикки из одноименной оперы Дж. Пуччини. И Дон Кихот в мюзикле «Человек из Ламанчи». А лишь образовалась «лазейка» в гастрольном репертуаре, когда не шли подряд спектакли, в которых он был занят, — укатил домой на семейное торжество, как он говорил, на первый «круглый юбилей» — пятилетие дочери Марианны.

ПЕНИЕ Георга Отса не спутаешь ни с каким другим. И дело здесь не столько даже в особом тембре или индивидуальных особенностях его голоса. Что бы ни пел Отс, сквозь кра-

ски звуков, сквозь мелодический рисунок проступает, я бы сказала, его индивидуальность, а вместе с ней — жизненная умудренность и удивительная уважительность к слушателю, которому певец вовсе не навязывает «свое», но которого тонко и умно настраивает на волну раздумий. Нет, не манера это, однажды счастливо найденная, не стиль, не почерк. Нечто большее, идущее от сердца.

— Мы должны воспитывать в людях, — говорит мой собеседник, — потребность думать о других так же, как о себе самом. Мы часто ссылаемся на темпы нашего века и пытаемся оправдать тем самым порой и свою черствость, недостаточное внимание к другим. Воспитывать человека надо с малых лет. И брать себе в помощники искусство.

— И даже старую оперу? Когда речь идет, как сейчас, о таком конкретном, локальном, сегодняшнем?

— Да. Я всю свою актерскую жизнь старался доказать, что опера — не концерт в костюмах, не только пение, пусть даже отличное пение. Это — спектакль, где все важно, все имеет значение, даже свет, окрашивающий, подчеркивающий музыкальную драматургию. Но спектакль, который только тогда и живет, когда волнует сегодняшнего зрителя, пришедшего в театр не для того лишь, чтобы услышать, как берутся верхние ноты. Мне запомнился (думаю, не мне одному) итальянский фильм «Ромео и Джульетта». Запомнился не тем, наверно, что в нем едва ли не впервые возраст актеров соответствовал возрасту героев. Запомнился современной трактовкой — ритмом поединков, современно и философски звучащим словом, подтекстом. Мне кажется, только в таком случае может быть сегодня интересна классика. Знаете, вот в роли Яго в опере Верди «Отелло» я старался показать, что подлецы встречаются в жизни и ныне, но не только это. Конечно, мне хотелось пробудить в слушателе, зрителе желание противостоять социальному злу, крепить в себе самом добрые чувства... И желание сеять добро — значит думать о людях.

— Но это о старой опере, о классике, многое из которой буквально, что говорится, у публики «на слуху»... А опера новая?..

— Нет, я все-таки думаю, что опера не подвержена гибели,— развивает мысль Георг Карлович.— Хотите подтверждений? Пожалуйста. «Повесть о настоящем человеке» Прокофьева, «Молодая гвардия» Мейтуса, его же «Украденное счастье». Такие оперы есть, и немало! Только мы довольно консервативны, мало ищем, мало пробуем, плохо приучаем слушателей к новому. Мелодичность не исчезнет, нет. Основа пения — мелодия. Ведь и у Прокофьева, и у Кабалевского самые удачные моменты в операх именно те, где царят мелодия, гармония. Мелодичность помогает находить контакты со слушателем.

Зная, как избалован он успехом, любовью публики, я все-таки задаю ему этот вопрос: «Доволен ли он ею?»

— Своей? — уточняет он.— Если говорить честно, не очень. Я люблю выступать перед аудиторией непосредственной, которая не расценивает лишний хлопок за признак нехорошего тона. Перед аудиторией, которая и слушает от души, и благодарит от чистого сердца, и так же искренне огорчается неудачей.

Не люблю снобов. Кстати, их сейчас довольно много. Все-то они знают, обо всем имеют категоричное суждение. Вот категоричность эту не люблю. Это ведь, извините, из «той же оперы», с которой мы начали сегодня беседу,— невнимание к людям, нежелание увидеть, что каждый человек неповторим, интересен сам по себе. Знаете, сколько писем получил я после гастролей? Авторы многих огорчаются — зачем, мол, я приехал в Москву с таким репертуаром, надо бы совсем другое — «Риголетто», «Онегин», «Паяцы». Ну, а мне подумалось, разве не интересно преодолеть в себе привычные представления — позволить актеру поиск, эксперимент? Сколько возможностей — игровых, соединенных с вокалом, сколько различных интонаций открыл мне Джанни Скикки. Интересно было работать над такой ролью. Можно что-то придумать, пофантазировать. Многое, как всегда бывает, приходило уже в процессе работы. Даже на самой премьере.

Мне вообще кажется, что нам надобно смелее, больше искать, не бояться нового для себя. Вот мы в нашем театре «Эстония» поставили «Кэто и Котэ». Ну, конечно, вы собираетесь спросить, не «усмирили» ли мы грузинский колорит своим, как принято считать, северным спокойствием? Нет, оказывается, не охладили. Не надо обязательно быть негром, чтобы достоверно играть «Порги и Бесс» Гершвина. И нам, по-моему, этот поиск не повредил. Напротив, встреча с грузинской музыкой помогла справиться и с нашими задачами, расширила кругозор, возможности, прибавила красок. Одним словом, обогатила, это несомненно. Но, к сожалению, в театре пока дела обстоят так, что никогда не знаешь, над чем тебе предстоит работать дальше. Чаще всего репертуар зависит от того, что хочет поставить режиссер. А ведь и в шахматах мастеру надо знать, какие пешки на доске имеются, прежде чем выбирать план игры...

Я ПОКИДАЛА этот дом, где, кажется, сами стены излучают человеческое тепло, и снова, мысленно, перебирала нашу беседу.

Он говорил мне, что убежден — ему необычайно повезло в жизни: сыграть и спеть все, о чем думалось и мечталось, кроме партии Фигаро и графа ди Луна в «Трубадуре», (фактически все баритональные партии). Рассказывал, что в новом сезоне ему поручена партия Наполеона в прокофьевской опере «Война и мир». Что проводил лето с семьей за 70 километров от Таллина, почти в глуши, где только и есть море, скалы, песок и сосны. Удил рыбу, вспоминая молодость, колол дрова, рисовал (в прихожей его городской квартиры вас встречает и провожает грустный взгляд автопортрета Отса в роли Тонио из «Паяцев»)...

Перебирала в памяти все, о чем мы говорили в тот вечер, и думала, что и здесь, в беседе, он был верен самому себе, как и песнями своими, заставляя думать о жизни.

А. КУРЖИЯМСКАЯ.

ИЗВЕСТИЯ г. МОСКВА
19 ОКТ 1974